

ИСКАЖЕННАЯ ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

© 2010 г. М. И. Палладина¹

Заявленная в названии статьи общая характеристика сложившейся к настоящему времени правовой сущности относится ко всем организационно-правовым формам сельскохозяйственной деятельности (исключая, может быть, полные и коммандитные товарищества). В статье рассматриваются основные из них².

Сельскохозяйственные кооперативы. В настоящее время кооперативы в отличие от первого этапа аграрной реформы, когда они были охвачены кризисом, занимают основное место в сельском хозяйстве России. Особенно им “досталось” от законодателя, притом дважды. Закон “О предприятиях и предпринимательской деятельности” от 25 декабря 1990 г.³ “похоронил” кооперативы как самостоятельную организационно-правовую форму по неизвестным причинам. Можно лишь предполагать, что это было связано с идеологическими нападками на колхозы как порождение социалистического строя, потому что иного не дано. Кооперативная теория и практика в мире развивается более 150 лет, занимает важное место во всех странах планеты. Кооперативами охвачены разные сферы жизни и деятельности населения, особенно в странах Европейского Союза, США, Юго-Востока. И в России кооперация имеет глубокую историю, охватывая и до- и послереволюционные периоды. Оправдать позицию законодателя в 90-х годах невозможно, хотя и такие попытки отдельными правоведами предпринимались.

Именно эта ошибка законодателя определила “горькую” судьбу колхозов, которым (как и совхозам) Указом Президента РФ “О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы” от 27 декабря 1991 г. было предписано до 1 января

1993 г. реорганизоваться в хозяйственные общества (акционерные и др.), хотя уже в то время видные представители аграрно-правовой науки (З.С. Беляева, М.И. Козырь и др.) неоднократно указывали на несостоятельность такого направления реформы, убеждали в преимуществах кооперативной формы ведения сельского хозяйства.

Состоявшийся 12–13 февраля 1992 г. Всероссийский съезд колхозников (кооператоров) в своем решении обратился к Правительству РФ с просьбой сохранить колхозам и совхозам их прежнюю организационно-правовую форму по решению их трудовых коллективов. Это волеизъявление депутатов съезда было удовлетворено Правительством РФ, которое 4 марта 1992 г. приняло постановление “О ходе и развитии аграрной реформы” и затем вновь подтвердило право колхозов и совхозов сохранить свою прежнюю форму в своем постановлении «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» от 4 сентября 1992 г.⁴ В результате на первом этапе аграрной реформы 34% колхозов и совхозов не реформировались.

Однако это были уже не прежние колхозы и совхозы: как и хозяйственные общества и товарищества, они стали безземельными предприятиями – в собственности колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов и в настоящее время находится только 1% используемых ими земель; 99% их находится в общей долевой собственности граждан, которая обрела свойство “ходячего товара”, “шагреновой кожи”, способной в любое время отделиться, разделиться, продаться, сжимая контуры и размеры хозяйства и последовательно разрушая его количественно и качественно: невозможность соблюдать научно обоснованные севообороты, без чего немыслимо рациональное использование земли и экологическая охрана окружающей среды, незаинтересованность хо-

¹ Профессор государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.

² Изменения правового статуса государственных и муниципальных унитарных сельскохозяйственных предприятий освещены в моей статье, опубликованной в: Гос. и право. 2005. № 5. С. 48–54.

³ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1990. № 30. Ст. 418 (утратил силу).

⁴ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 12. Ст. 93 (утратил силу).

зяйства в капиталовложениях на повышение плодородия полей.

Разрушительный характер общей долевой собственности граждан на земельные участки сельскохозяйственных организаций и реальные негативные последствия проведенной на ее основе аграрной реформы – самостоятельная объемная тема.

Развитию сельскохозяйственных кооперативов первоначально способствовал ГК РФ 1994 г. (ч. I), которым производственные кооперативы признаны равноправной с другими формами коммерческой организацией (ст. 107–112), а потребительские кооперативы – одним из видов некоммерческой организации (ст. 116), а затем – Федеральный закон “О сельскохозяйственной кооперации” от 8 декабря 1995 г. (далее – Закон). Данный законодательный акт вначале сыграл положительную роль хотя бы тем, что его принятие свидетельствовало о признании значения сельскохозяйственной кооперации на селе. И действительно, в последующие годы и поныне Правительство РФ поддерживает государственный курс на всемерное развитие сельскохозяйственной кооперации, особенно системы сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Закон послужил побудительным мотивом и, по существу, правовой основой для вторичной аграрной реформы: многие хозяйственные общества были преобразованы в производственные кооперативы, и этот процесс продолжается. И все было бы хорошо, если бы не низкое качество, мягко говоря, несовершенство самого Закона. За 14 лет (1996–2009 гг.) действия Закона в него вносилось множество (10) изменений и дополнений, притом все не в лучшую сторону. Достаточно сказать, что Федеральным законом от 3 ноября 2006 г. 33 статьи (т.е. более 2/3) подвергнуты существенным изменениям и дополнительно введена новая ст. 33.1, содержание которой изложено на шести страницах компьютерной распечатки (из 26 страниц всего Закона). С полным основанием можно утверждать, что это – один из самых несовершенных законов, принятых и измененных Государственной Думой в течение последних 15 лет.

И, несмотря на многократные, не затухающие и поныне критические отклики специалистов (ученых и практиков), Закон продолжает “совершенствоваться” в худшую сторону.

В настоящей статье не ставится задача дать полный анализ пороков Закона. Цель ее согласно теме – выделить правовые решения, искажающие правовую природу кооператива, а также носящие неконституционный характер.

В Законе неоднократно нарушены принципы кооперативной организации, закрепленные впервые в учредительном документе “Рочдельского общества справедливых пионеров” (1844 г.), созданного ткачами г. Рочдель (Великобритания), которые признаны мировым кооперативным движением и нашли отражение в принципах Международного кооперативного альянса, созданного в 1895 г. на Лондонском учредительном конгрессе, членами которого являются кооперативные организации и их союзы многих стран.

Первый из этих принципов – *добровольность членства* как принцип любого объединения в Законе нарушен введением по существу принудительного *ассоциированного членства* применительно к пенсионерам и другим гражданам, прекратившим трудовую деятельность в кооперативе по иным причинам (служба в рядах Вооруженных Сил и др.). Согласно п. 4 ст. 14 Закона производственный кооператив на основании решения общего собрания вправе *переоформлять* членство таких лиц в ассоциированное членство. Собственно, из-за этой категории лиц и введен в Закон институт ассоциированного членства (ст. 14). Это – один из феноменов Закона, который повлек за собой нарушение следующего мирового принципа кооперации – распределение прибыли по участию в деятельности кооператива, а не по паям. В ст. 2 Закона “Основные принципы создания и функционирования кооператива” указанный принцип сформулирован как принцип распределения прибыли и убытков кооператива между его членами с учетом их личного трудового участия или участия в хозяйственной деятельности кооператива. Однако в той же статье в качестве одного из принципов указано ограничение дивидендов по дополнительным паевым взносам членов кооператива и паевым взносам ассоциированных членов кооператива (в ст. 36 Закона размер ограничения – 30% распределяемой прибыли). Налицо вплетение в распределительные отношения сельскохозяйственных кооперативов акционерных принципов распределения прибыли через дивиденды по вкладам в имущество.

Один из важных принципов, общепризнанных в теории и практике за рубежом, – *запрет* или *ограничение участия* в хозяйственной деятельности кооператива лиц, не являющихся его членами. Этот принцип закреплен в ст. 2 Закона. Однако в п. 6 ст. 3 Закона допускается число *работников производственного кооператива*, которое (за исключением работников, занятых на сезонных работах) не должно превышать количества членов этого кооператива (в прежней ред. ограничение

выражалось в 50% общего объема выполняемых работ). В п. 13 ст. 4 Закона указанный принцип применительно к *потребительским* кооперативам сформулирован несколько иначе: не менее 50% объема работ (услуг) кооператива должно осуществляться для его членов. Таким образом, сельскохозяйственные производственные и потребительские кооперативы лишь *наполовину кооперативные* и *наполовину хозяйственные общества*. Из этого следует, что нет основания считать такую сконструированную Законом правовую модель кооперативной организацией.

Анализ нарушений принципов кооперации в Законе можно было бы продолжить и на иных правовых решениях. Но для целей данной статьи будет достаточно все вышесказанное дополнить примерами “эквилибристики” законодателя, вернее, правового произвола в законотворческом процессе, проявленного во введении через Закон в кооперативную жизнь на селе таких юридических “фигур”, как *ревизионные союзы* и *саморегулируемые организации*. Еще в первой редакции Закона были “похоронены” ревизионные комиссии кооперативов, традиционные для всех зарубежных кооперативов, для бывших колхозов, для хозяйственных обществ России. Вместо них в Закон введены так называемые ревизионные союзы, членом одного из них *должен быть каждый кооператив* (производственный и потребительский) – и это при условии, что в производственных кооперативах с числом членов более 50 и во всех потребительских кооперативах обязательно избираются наблюдательные советы с основной их функцией осуществления ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов управления и должностных лиц. Это тоже феномен: за рубежом такая практика не распространена. Причем по номиналу такая конструкция называется “союз”, а по правовому статусу (его права и обязанности) первоначально представляла собой потребительский кооператив (а вовсе не союз), т.е. все кооперативы – члены ревизионного союза должны были пользоваться его услугами на возмездной основе. И эти *квази-союзы* в Законе продержались восемь лет. В 1999 г. ревизионные союзы были переименованы в *аудиторские союзы* – и тот же нонсенс: союзы с не свойственной им предпринимательской деятельностью. Затем из-за практических соображений (обеспечить гарантию источников их финансирования) или в целях приведения их статуса в соответствие с ГК РФ Федеральным законом от 11 июня 2003 г., аудиторские союзы сельскохозяйственных кооперативов были вновь переименованы в ревизионные союзы, деятельность которых финансируется

за счет членских взносов каждого его члена – кооператива. В Законе была сконструирована целая пирамида ревизионных союзов от районного уровня до федерального, которая легла на плечи кооперативов – их содержателей.

Как и в прежних редакциях, сохранилась норма о принудительном членстве каждого сельскохозяйственного кооператива в одном из ревизионных союзов (по выбору), что противоречит как Конституции РФ (ст. 30), так и социально-экономической и правовой природе кооперативной организации, построенной на добровольном членстве. Нелегитимность такого решения усугубляется еще невиданной в мировой и отечественной истории закрепленной в Законе санкции – при невступлении в ревизионный союз кооператив подлежит *ликвидации* по решению суда, по требованию уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ в области сельского хозяйства или налогового органа субъекта РФ. “Вышедшие из ревизионного союза кооператив, союз кооперативов обязаны в срок не более чем за 30 дней оформить свое членство в другом ревизионном союзе” (п. 3 ст. 31). В последующих статьях предусмотрена технология проведения ревизий. Скажите, чем это не крепостное право для сельскохозяйственных кооперативов?

Венцом длительного социально-экономического и правового эксперимента с сельскохозяйственными кооперативами стало введение в Закон дополнительной ст. 33.1 (Федеральным законом от 3 ноября 2006 г.) “Саморегулируемая организация ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов”, в которой учреждена новая, модернизированная пирамида саморегулируемых организаций на региональном и федеральном уровнях, которую содержать (финансировать) *должны* все те же сельскохозяйственные кооперативы, потому что их обязанность – финансировать ревизионные союзы, которые, в свою очередь, должны финансировать не только содержание аппарата саморегулируемой организации, но и формирование “компенсационного фонда”, источником которого являются опять же членские взносы кооперативов. Саморегулируемые организации обязаны не только вести реестр ревизионных союзов, устанавливать правила их деятельности, контролировать ее, но даже разрабатывать примерные уставы кооперативов и образцы их внутренних документов, т.е. по существу незаконно вмешиваться во внутренние дела кооперативов.

В рамках статьи невозможно раскрыть всю казуистику прописанных в Законе функций саморегулируемых организаций и компенсационно-

го фонда (ведь ст. 33.1 занимает четверть всего объема Закона). Но следует обратить внимание на то, что конструкция саморегулированной организации данного Закона противоречит Федеральному закону “О саморегулируемых организациях”, поскольку в ней членами являются ревизионные союзы как некоммерческие организации, а согласно последнему – должны быть предпринимательские организации.

Но и это еще не все. Закон установил, что деятельность саморегулируемых организаций должна подлежать *государственному регулированию*, осуществляемому уполномоченным федеральным органом (по постановлению Правительства РФ этим органом стало Министерство сельского хозяйства РФ). Названный “регулирующий орган” обязан вести государственный реестр указанных саморегулируемых организаций и контролировать исполнение ими Закона.

Таким образом, сельскохозяйственные кооперативы, будучи, по существу, саморегулируемыми организациями, “окольцованы” многослойным административно-управленческим барьером, опирающимся на использование постоянной угрозы кооперативам быть ликвидированными, если они (кооперативы) выйдут из ревизионного союза или не уплатят ему членских взносов. Если последовательно будут исполняться нормы Закона, то Федеральному закону “О несостоятельности (банкротстве)” от 22 октября 2002 г. действовать в этой сфере не придется – и без него возможна массовая ликвидация сельскохозяйственных кооперативов.

Все сложившееся положение с законодательным регулированием кооперативной деятельности на селе не вписывается ни в кооперативную теорию, ни в разумные начала, ни в надлежащие прогрессивные функции права, ни, наконец, в громко звучащие принципы демократии во всех сферах жизни российского общества, прежде всего в сфере экономики.

Крестьянское (фермерское) хозяйство. Эта оригинальная не только для России, но и для зарубежных стран форма предпринимательской сельскохозяйственной деятельности возникла еще в СССР в 1989 г. в инициативном порядке при отсутствии соответствующей правовой основы. Ее появлению способствовала идеология всеобщей перестройки, пропаганда в средствах массовой информации преимуществ частного предпринимательства на селе, ведомого крестьянскими хозяйствами, со ссылками на опыт ряда капиталистических стран. Однако в этом немалую роль сыграла норма Закона “О кооперации

в СССР” от 26 мая 1988 г. о праве колхозов сдавать земельные участки в аренду, несмотря на то что такая возможность не была предусмотрена в действовавшем земельном законодательстве, поскольку колхозы, согласно Конституции СССР, осуществляли свою деятельность на земле, находящейся в государственной собственности, на праве вечно бесплатного пользования. Это было не только в колхозах, но и в совхозах: на основе аренды принадлежащих им земельных участков в 1989–1990 гг. в массовом масштабе создавались малые сельскохозяйственные кооперативы и параллельно – крестьянские хозяйства⁵.

Принятый вскоре Закон СССР “Об аренде» от 29 ноября 1989 г. обошел “молчанием” Закон “О кооперации в СССР” относительно необоснованного права сдачи в аренду земельных участков.

Первый российский Закон, определивший правовой статус крестьянских хозяйств, – “О крестьянских (фермерских) хозяйствах”⁶ от 27 ноября 1990 г. (далее – Закон), в разработке которого, как и Закона “О кооперации в СССР”, прямо или косвенно участвовали те же специалисты-экономисты, словно по инерции явился результатом такой же вольности при конструировании правовых моделей этой новой формы предпринимательства и закрепления ряда правовых решений. В дореволюционной России и зарубежной практике крестьянские хозяйства известны как *семейно-трудовые объединения*. Эта организационно-правовая форма крестьянского хозяйства правильно закреплена в Законе РСФСР от 27 ноября 1990 г. в качестве основной. Однако Закон допускает и существование крестьянского (фермерского) хозяйства в составе граждан, не связанных родством. Такие формирования теоретически и практически возможны лишь как общества с ограниченной ответственностью или малые производственные кооперативы. Это подтверждается ст. 259 ГК РФ, предусматривающей создание

⁵ Закон “О кооперации в СССР” явился “образцом” произвола правотворчества на высшем уровне. Помимо приведенного факта Законом допускалась правовая возможность выпуска акций, участия сторонних граждан и юридических лиц в формировании имущества колхоза на акционерных началах, образования обслуживающих кооперативов “при” колхозе или любом государственном предприятии, создания так называемых “первичных кооперативов” внутри колхоза и совхоза и другие права, не только противостоящие действующему законодательству, общей теории права, теории кооперации, признанной во всем мире, но и элементарному разуму. Закон активно способствовал обналичиванию больших сумм денежных средств колхозов и государственных предприятий и, как следствие, росту инфляции.

⁶ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1990. № 26. Ст. 324 (утратил силу).

таких организаций лишь при преобразовании в них крестьянского (фермерского) хозяйства, а не как одноименная альтернативная его форма. Исходя из анализа практики, можно прийти к выводу о том, что разработчики проекта рассматриваемого Закона позаботились о хорошей перспективе для малых сельскохозяйственных кооперативов, в огромном количестве созданных в 1989–1990 гг.: двухгодичный срок различных (налоговых и др.) льгот для них как малых предприятий к тому времени истек, и преобразование их в крестьянские (фермерские) хозяйства открывало возможности пользования теми же (освобождение от подоходного налога и др.) и иными дополнительными льготами, предусмотренными Законом “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” сроком на пять лет.

Еще более несуразной (вернее, хитроумной, мнимой) прописана в Законе так называемая *ассоциация крестьянских хозяйств*, которая представляет собой документальный раздел земли и имущества колхоза или совхоза между так называемыми крестьянскими хозяйствами без фактического формирования последних, т.е. без действительной реорганизации предприятия.

С позиции гражданского законодательства несостоятельным представляется и наделение крестьянского (фермерского) хозяйства *статусом юридического лица*. Согласно ст. 1 Закона хозяйству предоставляются права юридического лица, а ст. 9 гласит о том, что крестьянское (фермерское) хозяйство *становится юридическим лицом* после его государственной регистрации. В приведенных статьях Закона, как мы видим, имеются разночтения, но действовала именно ст. 9, согласно которой велся Государственный реестр крестьянских (фермерских) хозяйств как юридических лиц. Однако не в этом один из пороков Закона, но в том, что основные другие нормы этого Закона, а также законодательства налогового, административного, земельного в части ответственности за его нарушение не обеспечили крестьянское (фермерское) хозяйство всеми правовыми атрибутами юридического лица. Так, согласно ГК РФ все юридические лица (кроме унитарных) являются собственниками всего принадлежащего им имущества. Крестьянское (фермерское) хозяйство как юридическое лицо не является собственником принадлежащего ему имущества, ибо собственником земельного участка выступает глава хозяйства, а остальное имущество находится в общей долевой (либо общей совместной) собственности членов хозяйства. Субъектами тогда действовавшего налогового законодательства являлись

члены крестьянского хозяйства как физические лица, а при нарушении земельного законодательства действовали нормы административной ответственности применительно к физическим, а не к юридическим лицам, т.е. они касались главы крестьянского (фермерского) хозяйства, а не крестьянского хозяйства как юридического лица.

Стало быть, крестьянское (фермерское) хозяйство самим Законом от 27 ноября 1990 г. было сконструировано как *псевдоюридическое лицо*.

В ГК РФ, естественно, не нашлось места крестьянскому (фермерскому) хозяйству среди юридических лиц разных организационно-правовых форм, и оно было закреплено в форме индивидуальной предпринимательской деятельности (ст. 23), а в ст. 257 установлена, как правило, общая совместная собственность членов крестьянского (фермерского) хозяйства на его имущество, в том числе на земельный участок, устранив таким образом неравенство членов хозяйства в земельных отношениях, вытекающее из Закона.

После принятия ГК РФ (1994 г.) многие фермеры и их представительные органы, в частности Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов России (АККОР), выступали на своих общественных мероприятиях (съездах) за сохранение за крестьянскими (фермерскими) хозяйствами статуса юридического лица, однако форму и субъектов права собственности на его имущество при этом не затрагивали.

Поскольку Закон “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” 1990 г. оказался в противоречии с ГК РФ (1994 г.) и имел отмеченные и иные недостатки, разработка и принятие нового Закона были объективно необходимы. Но это случилось лишь через девять лет, потому что в соответствующие инстанции вносились разные проекты закона, не соответствующие гражданскому законодательству.

Наконец, 11 июня 2003 г. был принят Федеральный закон “О крестьянском (фермерском) хозяйстве”⁷, который не отвечает требованиям фермеров о сохранении статуса юридического лица за их хозяйствами и вряд ли получил общую положительную оценку правоведов (ученых и практиков).

Во-первых, этот Закон противоречит ГК РФ 1994 г. В Законе устанавливается (ст. 1) в соответствии с ГК РФ, что фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Но в ст. 23

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

ГК РФ закрепляется крестьянское (фермерское) хозяйство в качестве индивидуальной предпринимательской деятельности. Логически вытекает из формулы ГК РФ вывод о том, что индивидуальную предпринимательскую деятельность осуществляет гражданин в единственном числе или гражданин как глава фермерского хозяйства совместно с его членами.

Однако в п. 2 ст. 3 Закона от 11 июня 2003 г. установлено, что членами фермерского хозяйства могут быть: 1) супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей; 2) граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства; максимальное количество таких граждан не может превышать пяти человек. Налицо игнорирование принципа родства в рамках одной семьи как органически спаянного “коллективного” индивидуума (так же как семья в брачно-семейных отношениях), что *противоречит ГК РФ*.

Во-вторых, эта правовая модель фермерского хозяйства, без сомнения, окажется в значительной мере не действующей на практике. В п. 3 ст. 6 Закона установлено, что имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Известно, что право совместной собственности предполагает принцип равенства при разделе имущества, а следовательно, и при его формировании изначально, и в процессе осуществления деятельности (при распределении годового дохода на капиталовложения), если под имуществом подразумевать недвижимые и движимые объекты имущества, используемые как основные средства производства. Исходя из разнородственного и разного половозрастного персонального состава фермерского хозяйства, можно обоснованно сделать вывод об отсутствии равных возможностей (и интересов) у членов разных семей. Следовательно, предпочтительной (а не альтернативной, как по Закону) остается общая долевая собственность на такое имущество. Но возникает другая проблема: как удовлетворить интересы отдельных семей или членов фермерского хозяйства в увеличенном размере их долей в имуществе при его использовании в процессе предпринимательской деятельности фермерского хозяйства? Речь пойдет, стало быть, о принципах и конкретных решениях вопроса о распределении плодов, продукции и доходов, “полученных фермерским хозяйством в результате использования его имущества”, которые “являются общим имуществом членов фер-

мерского хозяйства” (п. 2 ст. 6). В Законе конкретно не определено, что это за “общее имущество”. А самое главное, фермеры будут вынуждены решать непосильную даже для специалистов-экономистов задачу распределения полученных за год результатов ведения сельского хозяйства с учетом не только живого труда (личного трудового участия в выполнении всех сельскохозяйственных работ), но и овеществленного, выраженного в конкретных долях каждого члена фермерского хозяйства в формировании той части имущества, которая представлена средствами производства (производственные строения, техника, продуктивные животные и т.п.). Короче говоря, применять ли только кооперативный принцип распределения результатов деятельности – по живому труду, вложенному в конкретном году, т.е. в порядке оплаты труда, или в комплексе с акционерным принципом с учетом доли в используемых средствах производства (капитальной части имущества).

Правовую модель фермерского хозяйства, закрепленную в Законе от 11 июня 2003 г., с полным основанием можно признать *псевдокрестьянским хозяйством*.

Кстати сказать, аналогичная модель по французскому законодательству закреплена в форме малого производственного кооператива (ГАЕК) с ограничением десятью его членами (родственниками из разных семей) и одним наемным работником.

Личное подсобное хозяйство. Эта форма ведения сельского хозяйства (ЛПХ) – сугубо российское явление, уникальное и, в определенной мере, феноменальное. ЛПХ не совсем доступно для понимания иностранных специалистов и ученых, но оно как *понятие* неоднозначно трактовалось и в России.

Личное подсобное хозяйство как в дореформенный период, так и после явилось предметом многочисленных исследований и научных публикаций в разных аспектах политико-экономической, юридической, социологической и философской наук. Однако четкого, объективного, единого научного понятия ЛПХ не сложилось ни в прошлом, ни в настоящем.

Особой пестротой определения понятия “личное подсобное хозяйство” характеризуются научные труды 70–80-х годов. При всем разнообразии подходов ученых к раскрытию сущности ЛПХ отчетливо прослеживалась их общая черта – связь с социалистическим способом производства. При современном капиталистическом строе экономических отношений в сельском хозяйстве, ес-

тественно, возникла новая проблема поиска экономически и юридически обоснованного понятия личного подсобного хозяйства.

Однако *правильно* решить эту проблему невозможно без учета исторического опыта, и прежде всего предназначения и социальной роли личного подсобного хозяйства в законодательстве и правоприменении на разных этапах его существования.

Правовое положение личного подсобного хозяйства впервые было закреплено в Примерном уставе сельскохозяйственной артели, принятом Колхозцентром и утвержденном СНК СССР и Президиумом ЦИК СССР 1 марта 1930 г. Устав предусматривал обобществление основных средств производства и наличие небольшого подсобного хозяйства колхозных дворов. В нем не устанавливались примерные размеры приусадебного землепользования колхозных дворов, но предусматривалось оставление в единоличном пользовании приусадебных земель (огород, сады и т.п.), причем там, где это необходимо, по решению правления артели с утверждения общего собрания допускалось изменение их размера. В Примерном уставе сельскохозяйственной артели, принятом II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденном СНК СССР и ЦК ВКПб 17 февраля 1935 г., были уже определены размеры приусадебных участков. Из этих актов, имевших силу закона (путем государственного санкционирования) вытекало *предназначение* ЛПХ производить сельскохозяйственную продукцию для личного потребления, и размеры его определялись только в рамках приусадебного земельного участка. В последнем Примерном уставе колхоза, принятом IV Всесоюзным съездом колхозников 25 марта 1988 г. (имеющем силу закона на основе Закона «О кооперации в СССР», делегировавшего нормотворческие полномочия Всесоюзному съезду колхозников), также речь шла о предоставлении в пользование приусадебного участка земли под огород, сад и другие нужды (п. 58) и о нормировании размеров земельных участков и поголовья содержания скота и птицы решением общего собрания колхозников с учетом трудового участия в общественном производстве. При невозможности выделения приусадебных участков в полном их размере около жилых домов (квартир) колхоз должен был предоставить недостающую часть земельного участка за пределами жилой зоны населенного пункта (п. 59).

В ЛПХ рабочих и служащих совхозов размеры приусадебных земельных участков и поголовья животных также устанавливались соответствующими

нормативными правовыми актами.

Итак, из законодательства дореформенного периода вытекают *юридически значимые* признаки (критерии) ЛПХ: 1) предназначение для удовлетворения личных потребностей семьи; 2) *размеры земли ограничиваются приусадебной ее частью (сад, огород), как правило, в рамках, исторически сложившихся в конкретных населенных пунктах, и количеством животных, необходимых для удовлетворения потребности семьи в продовольствии*; 3) *органическая связь ЛПХ с работой в общественном производстве*.

С учетом этого исторического опыта и нового (капиталистического) уклада в экономике России в научной литературе предложены в качестве основных юридически значимых критериев, ограничивающих ЛПХ от крестьянского (фермерского) хозяйства, следующие признаки (критерии): 1) *осуществление непредпринимательской деятельности*; 2) *подсобный, дополнительный ее характер*; 3) *вторичная занятость*. Эти критерии можно считать признанными (вряд ли возможно их оспорить). В них не обозначены предназначение ЛПХ для удовлетворения потребностей семьи в продовольствии и других нужд, а также ограниченные размеры ЛПХ, что следовало бы сделать, хотя и такой логический вывод вытекает из приведенных критериев.

Необходимость юридического определения места ЛПХ в производственной структуре сельского хозяйства диктовалась двумя обстоятельствами. Прежде всего – отсутствием в ГК РФ 1994 г. и ином законодательстве каких-либо норм, определяющих правовое положение граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, несмотря на то что ими всегда производилась (особенно в пореформенный период) значительная доля продовольствия в стране, и эта деятельность играла большую роль в повышении материального благосостояния не только сельского, но и городского населения. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., в ЛПХ занято 17,9 млн граждан, в том числе 15,8 млн – на селе и 2,1 млн – в городах (преимущественно малых). Кроме того, ведение личного подсобного хозяйства социально значимо еще и потому, что оно сохраняло традиционный сельский образ жизни, выполняло рекреационную функцию. Вторым обстоятельством, побудившим законодателя принять специальный закон о личном подсобном хозяйстве, явились неоднократные выступления в средствах массовой информации о сущности личного подсобного хозяйства, близкой к крестьянскому (фермерскому) хозяйству, с предложени-

ем распространить на него нормы Закона РСФСР “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” от 27 ноября 1990 г.

Первая попытка законодательно урегулировать отношения по поводу ведения личного хозяйства была предпринята в 1999 г. – Государственной Думой был принят и Советом Федерации одобрен Федеральный закон “О личном подсобном хозяйстве”, который был отклонен Президентом РФ как несовершенный прежде всего по самой правовой конструкции личного подсобного хозяйства (понятие, правовые параметры).

Не лучшим оказался и Федеральный закон “О личном подсобном хозяйстве” от 3 июля 2003 г.⁸ Закон правильно определяет личное подсобное хозяйство как “форму непредпринимательской деятельности”, которая ведется “в целях удовлетворения личных потребностей на земельном участке” (п. 1, 2 ст. 2). И для усиления непредпринимательского характера ЛПХ подчеркивается, что реализация продукции ЛПХ также не является предпринимательской деятельностью (п. 4 ст. 2). Последняя норма не ясна: имеется в виду или сам процесс реализации, или товарный характер продукции личного подсобного хозяйства.

Однако п. 1 ст. 4 Закона опровергает закрепленную в ст. 2 цель ведения ЛПХ для удовлетворения личных потребностей, устанавливая право граждан, ведущих ЛПХ, использовать два вида участков: 1) *приусадебный земельный участок в черте населенного пункта* и 2) *земельный участок за чертой населенного пункта (полевой земельный участок)*. При этом не рассматривается юридическое основание возникновения прав на полевой земельный участок в отличие от норм Примерного устава колхоза 1988 г., где размер его определялся установленными нормами размера приусадебного участка и только при отсутствии возможности наделения приусадебным участком (многоквартирные дома, ограниченные земли населенного пункта).

Именно предоставлением права на полевой земельный участок ЛПХ произошло законодательное изменение исторической, социально-экономической и юридической природы личных подсобных хозяйств граждан, подмена их предназначения и фактической роли в сельском хозяйстве. А начало и фундамент этого правового явления были заложены в Указе Президента РФ “О реализации конституционных прав граждан на землю” от 7 марта

1996 г.⁹, где (п. 2) органам местного самоуправления “в целях укрепления индивидуального сектора на селе” предписывалось увеличить в установленном порядке размеры земельных участков, предоставляемых для ведения личного подсобного хозяйства, и закреплялось право собственников земельных долей использовать земельную долю (с выделением земельного участка в натуре) для ведения крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства (п. 3). Применительно к крестьянскому (фермерскому) хозяйству в этой норме нет ничего нового. А вот относительно личного подсобного хозяйства такое правовое решение вызывает недоумение: либо это ошибка, вызванная незнанием и его сочинителя, и законодателя сущности ЛПХ, что очень плохо, либо оно состоялось с умыслом, что еще хуже.

Результаты таковы. Многие сельскохозяйственные предприниматели воспользовались нечаянно открывшимися возможностями за счет земельных долей (полевых земельных участков) создавать коммерческие организации под названием личного подсобного хозяйства (ЛПХ), тем самым уходя от обложения подоходным налогом¹⁰ и освобождаясь навсегда от других обязательств. Социально-экономическая и юридическая природа ЛПХ теряется при присоединении даже самых небольших полевых земельных участков (1–2 га), так как их использование в таких случаях выходит далеко за рамки потребностей семьи. Между тем размер земельных долей в ряде хозяйств и даже регионов достигает 15 и более га.

В п. 5 ст. 4 Закона “О личном подсобном хозяйстве” содержится важная норма о том, что максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, устанавливается законом субъекта РФ. Часть земельных участков, площадь которых превышает указанный максимальный размер, должна быть отчуждена гражданами, у которых находятся эти земельные участки, в течение года со дня возникновения прав на эти земельные участки либо в этот срок должна быть осуществлена государственная регистрация крестьянского (фермерского) хозяйства. Цель данной нормы – отграничить (по размеру земельного участка) ЛПХ от крестьянского фермерского хозяйства, и с этой точки

⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.

⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 11. Ст. 1026 (утратил силу).

¹⁰ Согласно ст. 217 Налогового кодекса доходы от продажи сельскохозяйственной продукции ЛПХ освобождаются от налогообложения.

зрения установление такого правила оправданно.

Однако многие субъекты Федерации при исполнении этой нормы исходили из преподнесенного Указом Президента РФ от 7 марта 1996 г. “подарка” личному подсобному хозяйству в форме присоединения к нему полевого земельного участка в счет земельной доли, установив максимальный размер земельного участка для всех ЛПХ своего региона в рамках существующего максимального размера земельной доли в отдельных конкретных хозяйствах вплоть до 15 и более га. Стало быть, если в семье три-четыре человека обладают правом на земельную долю, предельный размер земельного участка ЛПХ – 45–60 га. И строгая норма Федерального закона “О личном подсобном хозяйстве” об отчуждении излишков земельного участка или о перерегистрации ЛПХ в крестьянское (фермерское) хозяйство становится декларативной, вернее, лишеной здравого смысла.

Это подтвердилось на практике. Сложилось три группы ЛПХ: 1) хозяйства потребительского типа, ориентированные на удовлетворение потребностей семьи (истинные ЛПХ); 2) потребительско-товарные, реализующие на рынке излишки продукции как источник дополнительного дохода и основанные на трудовом потенциале семьи, и 3) преимущественно товарные (крупные), основная часть продукции которых идет на продажу, с использованием семейного трудового потенциала и привлеченного наемного труда. Первая группа составляет 33%, вторая – 55%, а третья – 11,9% (рассчитано по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи). При этом третья группа, насчитывающая около 12% от общего числа ЛПХ, использует 69,1% всей земли, числящейся за ЛПХ, т.е. более 2/3.

Таким образом, можно сделать вывод, что все официально учтенные результаты деятельности ЛПХ в основном принадлежат коммерческим предпринимательским структурам, ложно (т.е. *фиктивно*) считающимся личными подсобными хозяйствами. Как видим, доля этих *фиктивных* ЛПХ значительна по числу, а особенно по объему производства.

Вот такая сложилась неразбериха в законодательстве, науке и практике с ЛПХ. Представители науки ищут выход из создавшегося положения разными путями, например считают целесообразным наряду с ЛПХ выделить в качестве “новой” формы хозяйствования “крестьянский двор”¹¹,

¹¹ Бакирова Р.Т. Понятие личного подсобного хозяйства и его соотношение с другими формами хозяйствования // Аграрное и земельное право. 2005. № 6. С. 30–32.

а академик РАСХН А.В. Петриков, наоборот, предлагает ввести в Федеральный закон “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” понятие семейного фермерского хозяйства, учредителями которого могут быть только члены семьи, ввести ограничения на численность наемных работников и льготный налоговый режим ЛПХ¹². Однако ни тот, ни другой варианты нельзя считать достаточно обоснованными, особенно в свете проблемы совершенствования новой правовой модели крестьянского (фермерского) хозяйства, о чем уже сказано.

Федеральным законом от 7 июля 2003 г. исторически сложившаяся, традиционная правовая модель ЛПХ оказалась “размытой” не только в земельных отношениях, но и по режиму иного имущества (жилые и хозяйственные строения, техника, животные, полученная продукция и пр.).

До принятия действующего ГК РФ существовали две модели правового режима имущества ЛПХ: 1) основанная на общей совместной собственности членов колхозного двора, правовой режим которой регулировался ст. 126–133 ГК РСФСР 1964 г.; 2) основанная на общей совместной собственности супругов, правовой режим которой был определен Кодексом о браке и семье в РСФСР и распространялся на личные подсобные хозяйства рабочих и служащих совхозов и других граждан. После вступления в силу ГК РФ 1994 г. нормы ГК РСФСР 1964 г. утратили силу. Но при этом ни в гл. 16 ГК РФ, ни в Семейном кодексе РФ даже нет упоминания об имуществе личного подсобного хозяйства.

В ст. 6 Федерального закона “О личном подсобном хозяйстве” установлен незакрытый перечень видов возможного использования имущества (в том числе земельного участка), “принадлежащего на *праве собственности или ином праве* гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство”. Однако в Законе остались открытыми вопросы о формах (видах) собственности на имущество ЛПХ и о субъектах этого права, что послужило поводом для авторов отдельных публикаций (в том числе учебников, комментариев к Закону) выступать с собственной интерпретацией данной статьи. Так, в учебнике “Земельное право” (под ред. Г.Е. Быстрова и Р.К. Гусева. М., 2006. С. 533) категорически утверждается, что законодатель признает *общую совместную собственность* на имущество ЛПХ, и в числе носителей права на

¹² См.: Петриков А.В. Личные подсобные хозяйства России: проблемы и перспективы развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2007. № 5. С. 7.

эту собственность называются все члены семьи, включая несовершеннолетних и нетрудоспособных. Та же точка зрения изложена и в постатейном комментарии к Федеральному закону “О личном подсобном хозяйстве”¹³.

Однако в другом постатейном комментарии к тому же Федеральному закону¹⁴ авторы допускают возможность использования различных моделей права собственности на имущество ЛПХ, в том числе общую совместную собственность супругов, общую долевую собственность.

Садово-огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан. Федеральный закон “О сельскохозяйственной кооперации”¹⁵ от 8 декабря 1995 г. в числе видов сельскохозяйственных потребительских кооперативов выделил в качестве особой их группы садоводческие, огороднические и животноводческие кооперативы. Федеральный закон “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” от 15 апреля 1998 г.¹⁶ (далее – Закон от 15 апреля 1998 г.) определил более конкретно их правовое положение. Целесообразность принятия специального закона о названных формированиях не вызывает сомнения, поскольку порядок их создания, режим землепользования, организационно-управленческие отношения объективно обладают как общими чертами, так и особенностями. И это прослеживается уже в ст. 1 Закона. Так, *садовый земельный участок* предназначен для *выращивания* плодовых, ягодных, овощных, бахчевых, картофеля или иных сельскохозяйственных культур, а также для отдыха (с правом возведения жилого строения без права регистрации¹⁷ проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений). *Огородный земельный участок* предназначен для *выращивания* гражданами ягодных, овощных, бахчевых, картофеля и иных сельскохозяйственных культур (с правом или без права возведения некапитального жилого строения и хозяйственных строений и сооружений в зависимости от разрешенного использования земельного участка

при зонировании территории). *Дачный земельный участок* предназначен для *отдыха* (с правом возведения жилого строения без права регистрации проживания в нем или жилого дома с правом регистрации проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений, а также с правом выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых, картофеля и иных сельскохозяйственных культур).

Закон внес существенные изменения в правовое положение существующих садоводческих и дачных объединений граждан. Создание и деятельность садоводческих объединений до принятия Закона в России регулировались уставами конкретных садоводческих товариществ, которые должны были строго соответствовать Типовому уставу садоводческого товарищества, принятому Министерством сельского хозяйства РСФСР и согласованному с ВЦСПС (1966 г., с изм. и доп.). Следует отметить, что в каждой союзной республике СССР действовал свой Типовой устав садоводческих объединений с разными их названиями. Эти нормативные акты содержали множество ограничений в застройке, размерах используемых земель.

Садоводческие товарищества в России создавались на несельскохозяйственных землях вдоль оврагов, лесов, на так называемых неудобных землях. Однако уставной целью их являлось в первую очередь использование земли для садоводства и выращивания недревесных сельскохозяйственных растений, а во вторую – отдых, оздоровление граждан. В Типовом уставе устанавливались в связи с этим ограничения в размере жилого дома (площадь – 35 кв. м), его высоты, хозяйственных построек, теплиц. Предельный размер земельного участка члена садоводческого товарищества составлял 0,06 га. Законом эти ограничения сняты.

Дачные товарищества регулировались своими уставами, создавались на первоначальных этапах преимущественно в лесах или пригородных поселках только в целях отдыха. Сельскохозяйственная деятельность не была им присуща. Основным требованием в использовании земли в них было сохранение деревьев, которые состояли на строгом учете. Разрешалось выращивание плодовых и декоративных растений.

Законом расширены права и обязанности граждан в каждом из перечисленных видов их объединения, что экономически и социально оправдано.

Однако Закон ввел *три разновидности в каждом из указанных видов объединений* (садоводче-

¹³ См.: Комментарий к Федеральному закону “О личном подсобном хозяйстве” (А.П. Анисимов, Р.Т. Бакирова, А.Я. Рыженков, А.Е. Черноморец). Ось-89. 27.

¹⁴ См.: *Калинин Н.И., Удачин А.А.* Постатейный комментарий к Федеральному закону от 7 июля 2003 г. “О личном подсобном хозяйстве”. М., 2007. С. 6.

¹⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 1995.

¹⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1801.

¹⁷ Данное положение признано не соответствующим Конституции РФ Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. в случаях, если садовый участок относится к землям населенных пунктов. Постановление действует непосредственно.

ских, огороднических и дачных), претендующих быть *самостоятельными организационно-правовыми формами*: 1) некоммерческое товарищество; 2) потребительский кооператив; 3) некоммерческое партнерство (ст. 4). Их различия состоят лишь в следующих юридических параметрах.

В некоммерческом *товариществе* (садоводческом, огородническом и дачном) имущество, созданное за счет *целевых взносов*, является совместной собственностью его членов. Имущество общего пользования, созданное или приобретенное за счет средств специального фонда, образованного по решению общего собрания, является собственностью товарищества как юридического лица. *Специальный фонд* формируется за счет вступительных и *членских взносов*, а также за счет доходов от его хозяйственной деятельности и прочих поступлений средств. Члены товарищества *не несут ответственности по его обязательствам*, а товарищество – по обязательствам своих членов.

В *потребительском* же кооперативе имущество общего пользования формируется за счет *паевых взносов* и находится в *собственности кооператива* как юридического лица. Возможно выделение части имущества в неделимый фонд. Члены кооператива обязаны ежегодно покрывать его *убытки* путем внесения дополнительных взносов, а также нести субсидиарную ответственность по обязательствам кооператива в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого члена кооператива.

В *некоммерческом партнерстве* имущество общего пользования, приобретенное или созданное на взносы его членов, является собственностью партнерства как юридического лица. Члены этого объединения *не отвечают по его обязательствам*, а партнерство не отвечает по обязательствам членов.

В Законе даются и понятия разных видов взносов: 1) общее для всех разновидностей объединений понятие “вступительный взнос” – это денежные средства, внесенные членами на организационные расходы, связанные с оформлением документации; 2) членские взносы – денежные средства, периодически вносимые членами объединения на оплату труда наемных работников и другие текущие расходы.

Для товарищества и партнерства вводится термин “целевые взносы”, а для потребительского кооператива – “паевые взносы”, предназначение которых едино – для приобретения или создания имущества общего пользования. Для потреби-

тельского кооператива установлен еще один вид взносов – “дополнительные взносы”, предназначенные для “покрытия убытков”.

При даже не столь пристальном внимании ко всем этим категориям (терминам) можно заметить, во-первых, их искусственность, отсутствие необходимости разнообразия, во-вторых, юридическую несостоятельность формулировок.

Что касается искусственности, то следует отметить, что термин “целевой взнос” переключался из ранее действовавших нормативных актов о садоводческих товариществах и дачных кооперативах, а “паевой взнос” – из Закона “О сельскохозяйственной кооперации”.

Правовая модель потребительского кооператива вполне оправдана жизнью, поэтому не было никакой необходимости введения Законом иных форм ведения коллективного садоводства, огородничества и дачного хозяйства. Можно было обойтись развитием в данном Законе основных положений Закона “О сельскохозяйственной кооперации”, их более углубленной конкретизацией, отражающей особенности создания и функционирования столь весьма важной формы сельскохозяйственной деятельности в сочетании с особым, благоприятным режимом жизни и отдыха.

Установление Законом товариществ и партнерств как *самостоятельных форм* ведения коллективного садоводства, огородничества и дачного хозяйства *юридически несостоятельно*, а практически не оправданно в силу того, что обе формы: а) не соответствуют параметрам юридического лица, сконструированного в ГК РФ: товарищества не наделены правом собственности на имущество общего пользования, формируемого за счет целевых взносов; б) отрицание ответственности членов товариществ и партнерств по их обязательствам делает практически невозможным их существование. К тому же это противоречит установленной законодательством о некоммерческих объединениях обязанности их членов нести ответственность по обязательствам объединения; в) и, самое главное, между этими формами в Законе не отражено никаких других различий, кроме указанных и весьма спорного возраста вступления в члены потребительского кооператива – 16 лет. В Законе устанавливается невиданное в российской практике, не диктуемое необходимостью некоммерческого объединения право рассматриваемых объединений осуществлять предпринимательскую деятельность (ст. 6), а также открывать свои представительства (ст. 10) на территории России при организациях, производящих средства производства (поса-

дочный материал, удобрения и т.п.), и, кроме того, фонды взаимного кредитования, фонды проката.

В целом же конструкции некоммерческих товариществ, некоммерческих партнерств, их представительств и фондов противоречат Федеральному закону “О некоммерческих организациях” от 12 января 1996 г., из которого и позаимствованы указанные наименования. Законодатель проигнорировал ряд важнейших обстоятельств: а) по всей своей организационно-правовой сущности и характеру деятельности эти товарищества и партнерства есть не что иное, как потребительский кооператив, о чем свидетельствует сам Закон, не проводя разницы между ними; б) потребительские кооперативы в силу их принципиально иного назначения, чем то, что указано в п. 2 ст. 2 Закона “О некоммерческих организациях” (достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей и других целей непромышленного характера), не подпадают под действие последнего, поскольку они осуществляют в той или иной мере хозяйственную деятельность, связанную с использованием земли; в) предусмотренные указанным Законом фонды являются самостоятельной организационно-правовой разновидностью некоммерческой организации со статусом юридического лица, предназначенной для осуществле-

ния тех же, общих для всех некоммерческих организаций видов деятельности нехозяйственного, непромышленного характера, что принципиально отличает их от фондов проката, кредитования, предусмотренных в Законе “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях”.

Таким образом, в рассматриваемом Законе налицо много нарушений правил законотворчества. Однако, к сожалению, в связи с выходом в свет этого Закона все созданные ранее садоводческие, огороднические и дачные товарищества перерегистрировались по своему “вкусу” (не разобравшись) в некоммерческие партнерства и некоммерческие товарищества с юридически несостоятельной их характеристикой в уставах, которые неизбежно придется нарушать, надуманными фондами и представительствами. Неэффективна также реализация нормы ст. 8 о ведении садоводства, огородничества и дачного хозяйства в индивидуальном порядке на территории объединения.

Что касается наименований рассматриваемых видов некоммерческих объединений, то вполне разумно было бы предусмотреть альтернативу: кооператив (товарищество), однако с общим правовым режимом имущества общего пользования, вытекающего из Федерального закона “О сельскохозяйственной кооперации” от 8 декабря 1995 г.